

ЭМОТИВНЫЕ КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.А. Киселева

В статье рассматриваются языковые и неязыковые факторы, обуславливающие специфику эмотивного аспекта межкультурной коммуникации. Установлено, что среди них наиболее значимыми являются такие факторы, как степень разнообразия эмотивных единиц и средств языка, наличие типичных моделей эмотивного речевого поведения, сложившихся в рамках определённой культуры, и т.д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмоции, эмотивность, межкультурная коммуникация, эмотивное речевое поведение

КИСЕЛЕВА Лариса Айратовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета. lorentsia09@yandex.ru

Цитирование: Киселева Л.А. Эмотивные константы и переменные межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 163–179. Режим доступа: www.tverlingua.ru

EMOTIVE CONSTANTS AND VARIABLES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Larisa A. Kiseleva

The article discusses linguistic and non-linguistic factors determining the specificity of the emotive aspect of intercultural communication. It has been established that among them the most significant are such factors as the degree of diversity of emotive units and means of language, the presence of typical models of emotive speech behaviour that developed within a certain culture, etc.

KEY WORDS: emotions, emotiveness, intercultural communication, emotional speech behaviour

KISELEVA Larisa A. – DSc in Philology, associate professor, professor of Department of Theory of Language and the Methods of Its Teaching of Bashkir State University. lorensia09@ yandex.ru

Citation: Kiseleva L.A. Emotiva constants and variables of intercultural communication // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2018, № 4. – P. 163–179. Access mode: www.tverlingua.ru

Последние десятилетия отмечены интенсификацией межэтнических и межкультурных контактов, полноценное изучение которой требует постановки и решения новых, зачастую нетривиальных лингвистических задач, значимых как с теоретической, так и с прикладной точек зрения. Одной из таких задач является анализ закономерностей трансляции эмотивной семантики в инокультурную среду посредством языковых единиц разных уровней. Исследование этой проблематики можно считать весьма актуальным и перспективным, поскольку, по мнению учёных, современная коммуникативная среда отличается чрезвычайной открытостью в выражении эмоций, в связи с чем на нынешнем этапе развития общества наблюдается глобальное эмоциональное раскрепощение человека, который перестал бояться выражать эмоции, и это ведёт к увеличению числа эмотивных речевых актов в разных формах коммуникации (Шаховский, 2010: 24). Данное утверждение справедливо по отношению как к русской, так и к другим лингвокультурам, носители которых в условиях расширяющегося коммуникативного пространства вступают в различные контакты (политические, социально-экономические, культурные и т.д.). В свою очередь, изменение форм и средств межкультурной коммуникации обуславливает активизацию определённых языковых процессов, среди которых важное место занимает тенденция к использованию эмоционально насыщенных единиц. При этом адекватный анализ особенностей восприятия эмотивных смыслов представителями разных лингвокультур требует учёта внешних и внутренних факторов, определяющих

эффективность/неэффективность межкультурной коммуникации в интересующем нас аспекте.

Как мы уже отмечали в одной из своих работ, среди внеязыковых факторов, прямо или опосредованно влияющих на трансляцию эмотивной семантики в инокультурную среду, можно выделить следующие: «1) степень идентичности эмоциональной сферы разных этносов; 2) типологические характеристики культуры, определяющие стили эмоционального поведения; 3) иерархическая структура эмоциональной сферы, а также репертуар доминирующих эмоций, характерных для этноса в определённый период; 4) стереотипы, образцы/антиобразцы эмоционального поведения, выработанные в данном обществе» (Калимуллина, 2014). Рассмотрим указанные факторы подробнее.

Вопрос о психологической (в данном случае – эмоциональной) идентичности разных этносов представляется довольно сложным, и в современной науке нет его однозначного решения. Как известно, существуют две прямо противоположные точки зрения на данную проблему. Так, ещё в XIX в. возникла теория радикального универсализма, восходящая к эволюционному учению Ч. Дарвина, который в своей работе «Выражение эмоций у человека и животных» (1872 г.) одним из первых выделил базовые (первичные, фундаментальные) эмоции: радость, любовь, угрюмость, ненависть, гнев, пренебрежение, презрение, удивление, страх, боязнь, стыд и т.д. (Дарвин, 2001). В современной науке продолжением идей Ч. Дарвина являются концепции, авторы которых сосредоточивают своё внимание на изучении невербальных средств выражения эмоций с точки зрения их универсальности. Характерным примером такого подхода можно считать экспериментальные исследования лицевой экспрессии, проведённые в 50-60-е гг. XX в. П. Экманом и У. Фризенем, согласно результатам которых существуют врождённые способы мимического выражения основных эмоций, относящиеся к числу генетических признаков человека (Экман, 2010), в связи с чем можно вести речь о межкультурной константности

«языка тела». Сторонники противоположной точки зрения, которую принято называть радикальным минимализмом, полагают, что эмоции и невербальные средства их выражения имеют отчётливую этнокультурную специфику. Так, по мнению Р. Бирдвистела, «универсальных жестов не существует. Насколько нам известно, нет ни одного выражения лица, позы или положения тела, которые бы имели одно и то же значение во всех культурах» (цит. по: Крейдлин, 2002: 173). Справедливости ради необходимо отметить, что многие современные психологи довольно критично высказываются относительно достаточной аргументированности гипотезы «эмоционального универсализма». К примеру, Г.М. Бреслав отмечает следующее: «В силу методологии психологических исследований (использование многомерных шкал) обычно выявляются лишь количественные различия в выражении или в интерпретации эмоциональных явлений, что затрудняет проверку данной гипотезы» (Бреслав, 2006: 445). Вместе с тем можно утверждать, что обе приведённые точки зрения являются односторонними, так как не учитывают многообразие и вариативность эмоциональных состояний. Так, если иметь в виду базовые эмоции, то одним из аргументов «против» является то, что их список до сих пор с точностью не установлен в психологии, хотя в качестве критериев их выделения предлагаются так называемые «универсальные» признаки. Например, Т.Д. Кемпер полагает, что первичные эмоции, имеющие физиологическую основу, могут быть выделены с учетом нескольких характеристик: 1) их можно наблюдать (или выводить из имеющихся наблюдений) у многих животных; 2) их можно обнаружить во всех без исключения культурах; 3) они появляются на ранней стадии развития личности; 4) с каждой из них связана особая самостоятельная схема физиологических изменений (Kemper, 1987). Как показывает проведённый нами обзор психологических работ, исследователи, принадлежащие к разным научным школам, приводят неодинаковые перечни базовых эмоций, количество которых колеблется от 2 до 11, при этом большинство списков включает от 5 до 9 эмоций. В целом,

современные психологи разграничивают более 30 видов фундаментальных эмоций (в порядке уменьшения частотности упоминания): страх/ужас, гнев/ярость, отвращение, радость, удивление, печаль, любовь, желание, презрение, стыд/застенчивость, страдание/горе, ненависть, интерес, счастье и т.д. (см. Изард, 2003; Ортони, Клоур, Коллинз, 1995 и др.). Учёные единогласно признают в качестве базовых только две эмоции – страх и гнев, поскольку они напрямую связаны с инстинктом самосохранения, т.е. с биологическим началом в человеке; другие же виды эмоций (например стыд, любовь и т.д.) определяются как основные в работах лишь отдельных авторов. Интересно, однако, что даже гнев, выделяемый всеми сторонниками теории базовых эмоций, не обнаруживает психологической универсальности: «В современной литературе даже в рамках сравнения культур, близких к традициональным, различают культуры, где гнев практически отсутствует (на Таити, у инуитов утку и у тамангов Непала <...>), и культуры, где для его преодоления используют специальные способы регуляции и подавления (на Бали, на Яве, у племени торажда и племени чхетри-брамин в Непале)» (Бреслав, 2006: 441-442). Как можно заметить, некоторые эмоции, определяемые психологами как фундаментальные, не полностью соответствуют приведённым выше критериям. Очевидно, что среди указанных психических явлений довольно чётко противопоставляются две группы: 1) эгоцентрические эмоции, которые являются своего рода «биологическим атавизмом», доставшимся в наследство от животных предков (гнев, страх, удовольствие и др.), и представляют собой непосредственную реакцию на актуальные события; 2) «культурные» (социальные) эмоции, связанные с межличностными отношениями или с рефлектирующей деятельностью сознания (любовь, ненависть, уважение, презрение, зависть, стыд и др.). Даже если допустить психофизиологическое единство базовых эмоций у носителей разных языков/культур, тем не менее качественное содержание, каузальный аспект и особенно способы вербального и невербального проявления этих эмоций в значительной мере

зависят от социально-культурных факторов, а значит, не являются всеобщими. Не случайно А. Вежбицкая в своих работах детально описывает «культурные сценарии» базовых эмоций гнева, страха и т.д., сложившиеся в рамках тех или иных социумов (Вежбицкая, 2001), тем самым подтверждая мнение психологов о том, что адекватное восприятие невербальной экспрессии тех или иных эмоций представителями разных культур обусловлено возможностями языка, которым они пользуются для этой цели.

Проблема культурного своеобразия эмоций и соответствующего им «языка тела» имеет непосредственное отношение к вопросу о типологических характеристиках разных культур, определяющих специфику вербального/невербального общения, в том числе с точки зрения возможностей передачи эмотивных смыслов в иноязычную среду. Данный вопрос к настоящему времени довольно хорошо разработан в этнической психологии и культурантропологии, тогда как в лингвистике он, к сожалению, пока освещён недостаточно. Исследователи выделяют более 10 психологических по своей сути оппозиций, лежащих в основе разграничения культур и определяющих специфику эмоционального поведения их представителей (о чём будет сказано ниже): индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, степень сложности культуры, высокая/низкая контекстность, эмоциональный контроль, степень допускаемой эмоциональной экспрессии и т.д. (подробнее см. Стефаненко, 2009). Поскольку эти параметры довольно хорошо изучены в рамках культурантропологии, то мы затронем другие характеристики культур, которые, тем не менее, непосредственно связаны с упомянутыми оппозициями и имеют отношение к передаче эмотивных смыслов. Прежде всего, речь идёт о стилях вербальной коммуникации, в соответствии с которыми представители тех или иных лингвокультур выстраивают сценарии эмотивного поведения. Так, экспериментально установлено, что в зависимости от степени участия языковых и неязыковых средств в процессе общения, а также содержательной специфики тех и других выделяются

следующие стили вербальной коммуникации: 1) прямой и непрямой; 2) искусный (вычурный), точный и краткий; 3) личностный и ситуационный; 4) инструментальный и аффективный (Лебедева, 1999: 146). Наибольший интерес для нас представляет последняя рубрика данной классификации. Так, инструментальный стиль общения ориентирован на говорящего и цель коммуникации, а аффективно-интуитивный – на слушающего и процесс коммуникации, в связи с чем первый может быть охарактеризован как «избирательный» взгляд на мир, а второй – как «приспосабливающийся». «Избирательный» взгляд на мир, присущий носителям индивидуалистических культур (к примеру американцам), предполагает, что люди могут изменять окружающую среду и управлять ею в своих целях, поэтому коммуниканты используют преимущественно вербальное общение с целью прямо воздействовать на собеседника или изменить взаимоотношения с ним. Напротив, «приспосабливающийся» взгляд на мир, характерный для представителей большинства коллективистских культур (азиатских, латиноамериканских, арабских) означает, что человек может, скорее, не изменить среду и эксплуатировать её, а адаптироваться к ней. В соответствии с этим при аффективном общении говорящий стремится приспособить себя к чувствам слушателя, а тот в свою очередь – более точно понять внутреннее состояние собеседника с целью достижения групповой гармонии (Лебедева, 1999: 157-158). В унисон этому звучат высказывания лингвистов о степени «эмоциональной сдержанности/открытости представителей различных культур и контролируемости/неконтролируемости, а также эксплицитности/имплицитности выражения ими эмоций» (Ларина, 2015: 145).

Логическим продолжением типологий культур являются попытки описания так называемой «базовой», а позднее – «модальной личности», в работах американских учёных. Так, по мнению Р. Линтона, понятие «модальная личность» соответствует сравнительно прочно сохраняющимся чертам личности, чаще всего встречающимся у взрослых членов данного

общества (цит. по: Стефаненко, 2009). В определённой корреляции с данными гипотезами находятся научные и бытовые представления о национальном характере, попытки описания которого применительно к тем или иным этносам имеют давнюю историю. Результирующей таких описаний становятся понятия «типичный русский (немец, француз, китаец...)», «настоящий американец (итальянец, грузин, татарин...)» и т.д., активно эксплуатируемые в разных сферах коммуникации. Для целей нашей работы особый интерес представляет следующий факт: как свидетельствуют результаты социологических опросов, «портрет» русского человека во многом определяют качества, имеющие прямое либо опосредованное отношение к эмоциональной сфере: доброта, дружелюбие, широта души, доверчивость, открытость, отзывчивость, сострадание и т.д. (Сикевич, 1996: 112). В соответствии с приведёнными гипотезами можно было бы предложить некую поведенческую модель, в соответствии с которой представители определённой культуры в одной и той же эмоциональной ситуации будут демонстрировать сходные стратегии вербальной и невербальной коммуникации. Однако в реальности всё обстоит сложнее, в связи с чем современные этнологи выдвигают концепцию мультимодальных обществ, согласно которой каждый народ представлен не одной модальной личностью, а несколькими, с переходными формами между ними (Стефаненко, 2009). При этом важно иметь в виду и то, что модальная личность – это категория историческая, динамика которой зависит от целого ряда условий, в том числе психологических. Здесь мы оказываемся в сфере действия ещё одного важного внеязыкового фактора, определяющего специфику передачи эмотивного содержания в ходе межкультурной коммуникации, – это иерархическая структура эмоциональной сферы, а также репертуар доминирующих эмоций, характерных для этноса в определённый период. Вполне очевидно, что национальная эмоциосфера подвержена изменениям, которые в разные исторические периоды происходят с разной степенью интенсивности. Вместе с тем можно отметить

и определённые константные черты эмоциональной картины мира этноса, которые не в последнюю очередь обусловлены типологическими характеристиками соответствующей культуры, о которых речь шла выше. К примеру, с указанными оппозициями «индивидуализм/коллективизм» и, соответственно, «избирательный/приспосабливающийся взгляд на мир» напрямую соотносятся некоторые различия в эмоциональной структуре разных этносов и наборе доминирующих эмоций. Г.М. Бреслав отмечает, что в эмоциональной сфере японцев представлены такие явления, которые не имеют языкового эквивалента в европейских языках: «амаи» (ожидание благодеяния от другого, чувство пассивной зависимости), «сугари» (желание опереться на другого) и др., которым приписывается явно положительное значение в японской культуре, но отрицательное – в американской. В свою очередь, у японцев считаются социально нежелательными чувства превосходства и обиды, которые противоречат традиционному принципу гармонии, взаимозависимости и социальной привязанности (Бреслав, 2006: 449-450). В этом плане весьма интересными являются наблюдения учёных относительно психологического климата в современной России, который в значительной мере определяет стратегии и тактики эмоционального поведения носителей русского языка. Можно полагать, что следствием отмеченной выше эмоциональной раскрепощённости представителей современной русской лингвокультуры становится изменение психологических доминант в обществе, их явный перекося в сторону роста агрессивности. Как считает А.В. Юревич, в основе современной российской ментальности лежит невротический конфликт, обладающий всеми основными свойствами массового невроза, а вытеснение невротизма, по мнению А.Г. Шмелева, обнаруживается в автостереотипах русских, которые свой народ ставят выше других по фактору «Моральной оценки» и ниже других по факторам «Уверенности в себе» и «Эмоциональной стабильности» (цит. по: Стефаненко, 2009: 137). Исходя из сказанного, можно предположить, что именно преобладающие в социуме эмоции с наибольшей

вероятностью будут «воспроизводиться» в разных видах коммуникации, диктуя образцы/антиобразцы и стереотипы эмоционального поведения. Поскольку последние формируются и культивируются в обществе посредством художественной литературы (ср.: «тургеневская девушка»), СМИ, искусства и т.д., то индивиды, усваивая их в процессе социализации, осознанно или неосознанно придерживаются этих образцов и стереотипов и выстраивают в соответствии с ними сценарии своего эмоционального поведения. Ср., к примеру, навязываемый российскими глянцевыми изданиями образ «холодной красавицы», озабоченной проблемами собственной карьеры, внешности и т.д., который отчасти противоречит традициям русской культуры, скорее феминной, а не маскулинной по своей сути: считалось, что женщина изначально должна обладать такими эмоционально значимыми качествами, как доброта, заботливость, терпеливость и т.п.

Несомненно, что все указанные внеязыковые факторы играют исключительно важную роль в выражении эмоций и без их учёта невозможна успешная эмотивная коммуникация носителей разных культур. Однако не меньшую значимость имеют и те факторы, которые связаны с относительно устойчивыми характеристиками тех или иных естественных языков с точки зрения возможностей передачи внутренних состояний, а именно: «1) эмотивные и эмоциогенные ресурсы языка (степень разнообразия эмотивного лексикона и грамматикона, их воздействующий потенциал); 2) типичные модели и нормы эмотивного речевого поведения, исторически сложившиеся в рамках данной лингвокультуры; 3) система этикетных формул, выполняющих функцию выражения эмоций; 4) репертуар невербальных средств (мимика, жесты, пантомимика и др.), служащих знаками тех или иных эмоций в данном социуме, и их возможные соотношения с эмотивными единицами и средствами языка (совпадение/несовпадение, дополнение и т.д.)» (Калимуллина, 2014). Вполне очевидно, что среди перечисленных факторов ведущая роль принадлежит эмотивным и эмоциогенным ресурсам

языка, т.е. средствам выражения эмоций, с одной стороны, и средствам эмоционального воздействия – с другой. Сразу оговоримся, что в отличие от некоторых учёных (например Л.А. Пиотровской) мы понимаем термин «язык выражения эмоций» широко – как всю совокупность разноуровневых (лексико-фразеологических и грамматико-интонационных) средств, участвующих в экспликации эмоциональных явлений, включая сюда и номинативные единицы типа русс. *радоваться, гнев, стыдно, весёлый* и т.д. Если иметь в виду эмотивный потенциал разных языков, то этот вопрос является весьма сложным, и утверждения учёных относительно степени «эмоциональности» того или иного этнического языка, несомненно, нуждаются в верификации. Так, широко известное мнение А. Вежбицкой о высокой «эмоциональности» русского языка действительно подтверждается эмпирическими данными, в том числе статистического характера: по нашим наблюдениям, одни лишь фразеологические эмотивы, обозначающие эмоции, включают в свой состав около 1000 единиц, не говоря уже о лексических их наименованиях. Вместе с тем необходимо учитывать, что лексические эмотивы являются неоднородными, и с большой долей вероятности во всех языках можно выделить, как минимум, три группы таких единиц: 1) эмотивы-номинативы (наименования эмоций типа русс. *радость, бояться, презирать, весело* и т.п.); 2) эмотивы-коннотативы, иначе – экспрессивы (эмоционально окрашенные слова, эмоционально-оценочные слова и т.п., например русс. *кляча* (о человеке); 3) эмотивы-аффективы (междометия, бранные слова, инвективная лексика и т.п.). Можно полагать, что эмотивный потенциал того или иного языка в первую очередь определяется своеобразием лексем первой группы, и дело здесь не только в широте и разнообразии данных единиц, на что было указано выше. Существуют и более глубокие причины, по которым они играют главную роль в кодировании и декодировании эмотивной семантики:

1. Именно номинативная лексика наиболее чётко эксплицирует степень языковой «разработки» эмоциональной сферы. При этом имеется в виду не

только упомянутое выше наличие в некоторых языках наименований для специфических эмоциональных явлений типа «амаи» в японской культуре или «тоска» в русской. Гораздо важнее то, какую номинативную «плотность» этой денотативной сферы демонстрируют разные языки, т.е. насколько подробно поименованы в них многочисленные аспекты эмоциональных явлений (их субъективное качество, модальность (знак), интенсивность, каузация и др.), какие синонимические средства используются для этого, какова роль образных ресурсов в передаче эмотивной семантики и т.д.

2. За наименованиями эмоциональных явлений всегда стоят соответствующие концепты, которые, отражая эмоции как объективно-субъективную реальность, вбирают в себя всё многообразие фоновых знаний о данной сфере. Фактически, содержание эмоциональных концептов в прямой или опосредованной форме репрезентирует все рассмотренные выше внеязыковые факторы, имеющие отношение к эмоциональной жизни того или иного этноса. Именно поэтому полноценная эмотивная коммуникация представителей разных культур возможно только в случае знания концептуальной информации, стоящей за избираемыми лексическими эмотивами.

Несомненно, что единицы второй из указанных групп также обладают ярко выраженным этнокультурным своеобразием, которое должно учитываться в межкультурной коммуникации. Однако здесь нужно иметь в виду следующее: в отличие от аффективов и наименований эмоций, эмотивность которых является самостоятельной, в экспрессивах она предстаёт в качестве созначения и реализуется в сфере коннотации. Данные единицы выполняют комплексную эмотивно-прагматическую функцию: с одной стороны, передают эмоциональное отношение адресанта к объекту номинации в целом или к его отдельным признакам, с другой – осуществляют эмоциональное воздействие на адресата. Указанная функция наиболее последовательно реализуется с помощью таких лексем, как слова с суффиксами субъективной оценки, уменьшительные формы личных имен,

зоонимы и т.д. Единицы третьей группы (аффективы) можно считать «чистыми» знаками эмоций, поскольку основной для них является собственно эмотивная функция – выражение непосредственной эмоциональной реакции говорящего на действительность или отношения к этой действительности. К данной группе относятся языковые единицы, значение которых исчерпывается передачей эмоционального состояния/отношения субъекта речи, например русс. *Ой! Увы! Батюшки! К чёрту!* и т.д. Конвенциональный характер междометий обуславливает то, что денотатом данных единиц является обобщённая, типизированная эмоция, закрепляемая за определённым языковым знаком и поэтому понятная всем носителям данного языка (Шаховский, 1990: 50-51). Однако эффективность межкультурной коммуникации посредством единиц второй и третьей групп во многом определяется (или же ограничивается?) их семантическими особенностями. Дело в том, что коннотативным и аффективным лексемам во многих случаях свойственна амбивалентная семантика, которая является размытой и конкретизируется в определённых контекстуальных условиях, включающих в себя вербальную и невербальную информацию об эмоциональном состоянии говорящего и слушающего. О широте семантических возможностей экспрессивов и аффективов свидетельствует, в частности, явление речевой энантиосемии, а также многозначность большинства эмотивных междометий.

Что касается грамматико-интонационных средств выражения эмоций, то их репертуар также различается от языка к языку, что в значительной мере обусловлено типологическими (структурными) характеристиками последних. Можно говорить об особой эмоциональной «нагруженности» некоторых грамматических средств, поэтому их использование, как правило, является индексом эмоциональных состояний. Так, в русском языке такую функцию выполняют словообразовательные средства, в том числе эмоциональные и эмоционально-оценочные суффиксы с мелиоративным или пейоративным значением (ласкательным, уничижительным, фамильярным и т.д.): *сынок*,

дочурка, домишко, сладенький и т.п.; эмотивно маркированные элементы в структуре предложения (слова-паразиты, вводные слова, повторы и т.д.) и мн. др. Именно поэтому для правильной интерпретации эмотивных смыслов партнёрами по межкультурной коммуникации говорящие стремятся выбрать из многообразия существующих эмотивных средств те, которые способны наиболее адекватно передать их внутреннее состояние.

Следующий весьма важный внутриязыковой фактор – это типичные модели и нормы (в том числе этикетные) эмотивного речевого поведения. В соответствии с типологическими характеристиками культур они вырабатываются и закрепляются в пределах каждого социума, выступая своего рода регулятором вербального выражения внутренних переживаний. Несомненно, что эти модели и нормы коррелируют с рассмотренными выше образцами и стереотипами эмоционального поведения, принятыми, а иногда и тиражируемыми в конкретном обществе, являются их знаковым воплощением и носят конвенциональный характер. Так, по мнению В.К. Харченко, «дефицит лучших» в современном российском обществе порождает культивирование антиобразцов речевого поведения, что проявляется в том числе в распространении сквернословия, грубости и лжи, агрессивности и т.п. (Харченко, 2010: 11). Такого рода примеры дают повод ставить вопрос о том, какую роль в процессе трансляции эмотивной семантики играют этикетные единицы, которые могут не только выражать эмоции говорящего, но и в отдельных случаях выступать средством вуалирования его истинных состояний. Иногда такую функцию берут на себя и невербальные средства (ср. американскую улыбку, которая имеет скорее не психологический, а социальный характер), что вносит дополнительные трудности в правильную интерпретацию эмотивных смыслов.

Таким образом, эффективность межкультурной коммуникации с точки зрения адекватности трансляции эмотивной семантики обуславливается комплексом языковых и неязыковых факторов, разграничение которых возможно лишь в научных целях, тогда как в условиях реального речевого

взаимодействия наблюдается их сложное взаимодействие. Исследование данной проблематики представляется актуальным с позиций межкультурного общения, поскольку оно имеет не только несомненное теоретическое, но и прикладное (лингводидактическое) значение.

Ссылки – References in Russian

Бреслав, 2006 – *Бреслав Г.М.* Психология эмоций. – 2-е изд., стер. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. – 544 с.

Вежбицкая, 2001 – *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

Дарвин, 2001 – *Дарвин Ч.* О выражении эмоций у человека и животных. – СПб.: Питер, 2001. – 384 с.

Изард, 2003 – *Изард Кэррол Э.* Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2003. – 464 с.

Калимуллина, 2014 – *Калимуллина Л.А.* Кодирование и декодирование эмотивных смыслов в процессе межкультурной коммуникации // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: Материалы VI Международной научной конференции (Бельгия, г. Лёвен, 22-25 мая 2014 г.). – Лёвен, 2014. – С. 891–894.

Крейдли, 2002 – *Крейдли Г.Е.* Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Ларина, 2015 – *Ларина Т.В.* Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2015, № 1. – С. 144–163.

Лебедева, 1999 – *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ – С, 1999. – 224 с.

Ортони, Клоур, Коллинз, 1996 – *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 314–384.

Сикевич, 1996 – *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских (социологический очерк). – М.: Механик, 1996. – 208 с.

Стефаненко, 2009 – *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

Харченко, 2010 – *Харченко В.К.* Современная повседневная речь. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 184 с.

Шаховский, 1990 – *Шаховский В.И.* Что такое эмотивное значение? // Проблемы изучения слова. Семантика, структура, форма. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1990. – С. 47–53.

Шаховский, 2010 – *Шаховский В.И.* Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.

Экман, 2010 – *Экман П.* Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. – СПб: Питер, 2010. – 334 с.

Kemper, T.D. 1987 – *Kemper T.D.* How Many Emotions are there. Wedding the Social and the Autonomic Components // *American Journal of Sociology*, 1987, № 93, pp. 263–289.

References

Breslav, G.M. (2006) *Psychology of emotions*, Moscow, Smysl. 544 p. (in Russian).

Darvin, Ch. (2001) *About expression of emotions at the person and animals*, Saint-Petersburg: Piter, 384 p. (in Russian).

Ekman, P. (2010) *Psychology of emotions. I know what you feel*, Saint-Petersburg: Piter. 334 p. (in Russian).

Izard, K.E. (2003) *Psychology of emotions*, Saint-Petersburg:, Piter. 464 p. (in Russian).

Kalimullina, L.A. (2014) Coding and decoding of emotive meanings in the course of intercultural communication // *The Russian language in lingual and cultural space of Europe and World: Human. Consciousness. Communication.*

Internet: Materials of VI International scientific conference (Belgium, Leuven, 22-25 may 2014), pp. 891–894 (in Russian).

Kreydlin, G.E. (2002) *Nonverbal semiotics*, Moscow, New literary review. 592 p. (in Russian).

Kharchenko, V.K. (2010) *Modern everyday speech*, Moscow, Izd-vo LKI. 184 p. (in Russian).

Kemper, T.D. (1987) How Many Emotions are there. Wedding the Social and the Autonomic Components // *American Journal of Sociology*, 1987, № 93, pp. 263–289.

Larina, T.V. (2015) Pragmatics of emotions in intercultural context // *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*, № 1, pp. 144–163 (in Russian).

Lebedeva, N.M. (1999) *Introduction into ethnic and cross-cultural psychology*, Moscow, Klyuch–S. 224 p. (in Russian).

Ortony, A., Clour, G, Collins, A. (1995) Cognitive structure of emotions // *Language and intellect*, Moscow, Progress. pp. 314–384 (in Russian).

Sikevich, Z.V. (1996) *National self-consciousness of Russians (sociological essay)*, Moscow, Mekhanik. 208 p. (in Russian).

Stefanenko, T.G. (2009) *Ethnic psychology*, Moscow, Aspekt Press. 368 p. (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (1990) What is emotive meaning // *Problems of studying of word. Semantics, structure, form*, Tver, Izd-vo Tverskogo universiteta. pp. 47–53 (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (2010) *Emotions: before-linguistics, linguistics, cultural linguistics*, Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM». 128 p. (in Russian).

Vezhbitskaya, A. (2001) *Comparison of cultures through the medium of lexicon and grammar*, Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury. 272 p. (in Russian).